

*Посвящается выпускникам
ветеринарного факультета
Университета Миссури 1985 года,
особенно моим товарищам по комнате
Дейву Шмитту, Скотту Уэлсу,
Стиву Браннерту и Брэду Генгенбаху*

И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою.

И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал.

Бытие, 2, 7-8

ПРОЛОГ

*Рассвет
Анды, Перу
1538 год*

Спасения не было.

С трудом прориаясь сквозь пропитанные туманом джунгли, Франсиско де Альмагро давно прекратил молиться о том, чтобы уйти от погони. Задыхаясь, он склонился над узкой тропинкой и рукавом утер пот со лба. Франсиско по-прежнему носил доминиканскую рясу из черной шерсти и шелка, хотя она давно испачкалась и порвалась. Захватившие его инки отобрали все, кроме сутаны и креста. Жрец предупредил соплеменников, чтобы те не доträгивались до знаков чужого бога, дабы не оскорбить его.

Тяжелые одежды затрудняли передвижение через глухие, окутанные облаками джунгли, однако молодой монах не снял рясу, ведь во время посвящения ее благословил сам Папа Климент. Впрочем, это не помешало монаху приспособить церковное облачение для бега. Ухватившись за подол, Франсиско разодрал его до самых бедер.

Ноги высвободились. Он прислушался к звукам погони. Клич инков-охотников приближался, раскатываясь в горах за спиной Франсиско. Даже пронзительные крики потревоженных обезьян над его головой не могли заглушить

шума, который поднимали преследователи. Еще немного, и они доберутся до него.

У молодого монаха осталась одна надежда на спасение — не для себя, а для мира.

Поцеловав изорванный край сутаны, Франсиско выпустил ее из рук. Надо спешить.

Монах слишком резко выпрямился, и у него на секунду потемнело в глазах. Чтобы не упасть, Франсиско, тяжело дыша, ухватился за ствол деревца. Перед глазами беглеца в разреженном воздухе заплясали звездочки. Высоко в Андах легкие заметно ощущали нехватку кислорода, и Франсиско приходилось часто отдыхать, но он никак не мог позволить себе остановиться.

Он оттолкнулся от дерева и снова пустился в путь, пошатываясь и спотыкаясь не только из-за недостатка воздуха. Перед назначенной на рассвете казнью Франсиско подвергли ритуальному кровопусканию и заставили выпить горький эликсир — чичу, перебродивший напиток, от которого под ногами пленника поначалу закачалась земля. Быстрый бег лишь немного ослабил действие зелья.

Пока Франсиско бежал, джунгли будто пытались схватить его, а тропа изгибалась то вправо, то влево. Сердце билось где-то в горле, в ушах шумел нарастающий рокот, заглушая даже крики преследователей. Вырвавшись из зарослей, Франсиско едва не слетел с края скалы. Далеко внизу ревело и грохотало — это бились о темные камни пенистые белые волны.

Франсиско смутно сознавал, что, скорее всего, перед ним один из многочисленных притоков, питающих могучую реку Урубамба, но монаху сейчас было не до географии. Отчаяние сжимало его сердце. Между Франсиско и его целью пролегала бездна. Тяжело дыша, он уперся ладонями в исцарапанные колени. И тут заметил легкий мостик, сплетенный из травы.

«Obrigado, meu Deus!» — поблагодарил он Господа, переходя на родной португальский, на котором не говорил с тех пор, как впервые дал обет в Испании. Лишь сейчас, со слезами отчаяния и страха, Франсиско вернулся к языку детства.

Продвигаясь вверх, он добрался до мостика из тугого скрученных пучков травы ичу. Над всей шириной реки пролегала единственная толстая веревка, а с обеих ее сторон для поддержания равновесия — еще две потоньше. Возможно, Франсиско по достоинству оценил бы инженерное искусство строителей моста, однако теперь все его мысли занимало одно — уйти от погони по этой ненадежной дорожке.

Нужно непременно достичь алтаря на вершине следующей скалы. Инки почитали окруженный джунглями пик так же, как многие другие горы в тех местах. Но для того чтобы достичь цели, нужно было сначала пересечь пропасть, а затем, миновав влажный от тумана лес, вскарабкаться по каменистому откосу.

Хватит ли у него времени?

Обернувшись и в очередной раз прислушавшись к шуму погони, Франсиско различил лишь рев реки внизу. Монах не представлял, насколько отстали охотники, но понимал, что передвигаются они быстро. Медлить нельзя.

Он провел потной ладонью по бритой, покрывшейся щетиной голове и ухватился за одну из двух веревок. На секунду зажмурившись, сжал в руке вторую. С молитвой на губах ступил на мостик и зашагал над пропастью. Вместо того чтобы смотреть вниз, он устремил взгляд к концу моста.

Казалось, минула целая вечность, прежде чем левая нога коснулась камня. С облегчением Франсиско ступил на твердую почву. Он едва не упал на колени, готовый целовать и благословлять землю, когда сзади раздался чей-то резкий крик. В суглиночок возле самой ноги беглеца глубоко вонзилось копье, завибрировав от удара.

Франсиско замер, словно испуганный кролик. Позади прозвучал еще один крик. Оглянувшись, монах увидел на дальнем конце мостика охотника. Их глаза на мгновение встретились.

Глаза хищника и жертвы.

Преследователь с ухмылкой смотрел на монаха из-под голубых и красных перьев головного убора. На охотнике красовались толстые золотые цепи. Во всяком случае, Франсиско молился о том, чтобы они были золотыми.

Не раздумывая, он достал из-под рясы серебряный кинжал. Именно с помощью этого украшенного у жреца оружия удалось совершить побег. Теперь оно снова должно сослужить службу. Франсиско ухватился за одну из поддерживающих веревок. Он ни за что не успел бы перерезать основную, но, если ему удастся испортить хотя бы веревки-поручни, преследователям станет намного труднее переправляться. Пусть это их и не остановит, зато даст беглецу немного времени.

Когда он принял пилить высущенную траву, ему показалось, что веревки железные. Человек по ту сторону пропасти спокойно обратился к нему на своем отрывистом языке. Монах не понимал слов, однако отчетливо различил угрозу, сопровождающуюся обещанием мучений.

И снова охвативший его страх придал силы мышцам. Он терзал веревку, пока по его грязному лицу не потекли слезы. Неожиданно веревка лопнула под ножом и отскочила, хлестнув Франсиско по щеке. Он машинально дотронулся до больного места. Пальцы испачкались в крови, но монах ничего не почувствовал.

С трудом сглотнув, он принял за вторую веревку. О камень ударило и упало в пропасть еще одно копье, за ним — третье, на этот раз ближе к цели.

Франсиско поднял голову. С другой стороны моста перед пропастью выстроились уже четыре охотника. Последний

из них держал наготове копье, а первый ловко натягивал лук. Время вышло. Он посмотрел на нетронутую веревку. Задержаться — значит умереть. Оставалось лишь надеяться на то, что утрата одной веревки затормозит преследователей.

Развернувшись, Франсиско устремился по крутой тропе в джунгли, которые оказались в этом месте менее густыми. По мере продвижения вперед лес постепенно редел. Бежать стало легче, но беглец понимал, что становится все более удобной мишенью для охотников. С каждым шагом он ожидал, что ему в спину вонзится стрела.

«Так близко... Господи, не оставь меня теперь!»

Франсиско сосредоточенно смотрел только под ноги, хотя уже едва мог их передвигать. Внезапно со всех сторон на него обрушились потоки света, как будто сам Господь Бог раздвинул деревья, дабы излить на монаха свое сияние. В изумлении тот поднял голову. Даже такое простое движение далось ему с трудом. Джунгли остались позади. Красный и черный камни горной вершины заливали яркие утренние лучи солнца.

Он слишком ослаб для благодарственной молитвы. Последний участок пути сквозь остатки кустарника пришлось преодолевать на четвереньках. Все должно случиться здесь, возле священного алтаря инков.

Рыдая от изнеможения, Франсиско дополз до гранитной плиты. Добравшись до каменного алтаря, он тяжело опустился на колени и поднял лицо к небу, а затем издал крик, давая знать преследователям, что все еще жив.

Ему ответили. Снизу, с тропы, снова прогремели крики охотников — те уже пересекли пропасть и возобновили погоню.

С голубого неба Франсиско перевел взгляд вниз. Вокруг со всех сторон простирались величественные Анды. Некоторые пики покрывал снег, но большинство из них оставались такими же голыми, как гора, на вершине ко-

торой монах стоял на коленях. На мгновение ему почудилось, что он понимает, почему инки почитают эти горные вершины. Здесь, среди облаков и неба, человек становится ближе к Богу. В торжественной тишине царило ощущение безвременья и обещание вечности. Даже охотники притихли — то ли изуважения к горам, то ли из желания подкрасться к жертве незамеченными...

Франсиско слишком устал, чтобы об этом думать.

Его взгляд устремился к следующему пику. Чуть ниже, западнее, смотрели в утреннее небо две одинаковых горы с тлеющими кратерами на вершинах. С того места, где стоял монах, затененные кратеры походили на пару изуродованных глазниц.

Плюнув в их сторону, он показал горам кукиш. Франсиско знал, что скрывается там, среди теплых долин. У алтаря на горной вершине он придумал для вулканов-близнецов имя.

«Ojos el de Diablo, — прошептал Франсиско. — Глаза Дьявола».

Содрогнувшись, он повернулся к ним спиной, потому что не мог совершить неотвратимое, глядя в эти «глаза». Взгляд Франсиско обратился на восток, к восходящему солнцу.

Преклоняя колени перед его сиянием, монах вытащил из-под рясы висящий на груди крест и коснулся нагретым металлом лба. Золото. Именно из-за него пробирались когда-то сквозь эти чужие джунгли испанцы. Теперь их вожделение и жадность погубят всех.

Франсиско повернул распятие и поцеловал золотую фигурку. Он пришел сюда, чтобы донести до дикарей слово Господне, но сейчас этот крест стал единственной надеждой для всего человечества. Монах провел пальцем вдоль оборотной стороны распятия, касаясь того, что тщательно выгравировал в мягкому золоте.

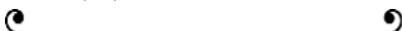
«Да спасет это нас всех», — молча помолился он и убрал распятие обратно под рясу, поближе к сердцу.

Затем поднял глаза навстречу заре. Нужно быть уверен-ным в том, что инки не снимут с него креста. Хотя Фран-исико добрался до их святыни — естественного алтаря на горной вершине, для сохранности распятия требовалось еще одно, заключительное действие.

Он снова достал из-под рясы серебряный кинжал жреца. Погубит он свою душу или нет — не важно. Со слезами на глазах Франисико занес кинжал и полоснул себя по гор-лу. От пронзительной боли пальцы разжались, кинжал вы-пал из слабеющих рук. На черные камни хлынула кровь.

В свете зари красная кровь ярко искрилась на фоне тем-ного гранита. Это было последнее, что увидел Франисико: на алтарь инков, сияя, будто золото, лилась кровь.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Руины

*Понедельник, 20 августа, 11 часов 52 минуты
Университет им. Джонса Хопкинса
Балтимор, штат Мэриленд*

Пальцы профессора Генри Конклина слегка дрожали, когда он снимал со своего замороженного сокровища последний слой одеял. Профессор затаил дыхание. Интересно, как перенесла мумия трехтысячимильное путешествие из Анд? Там, в Перу, он постарался упаковать замороженные останки в сухой лед, но за время долгой поездки в Балтимор могло случиться всякое...

Генри пробежался рукой по темным волосам, щедро припорошенным сединой — в прошлом году ему исполнилось шестьдесят. Профессор уповал на то, что последние тридцать лет исследований и полевых работ не прошли даром. Другая возможность ему уже вряд ли представится. Оставшиеся от гранта деньги ушли на транспортировку мумии из Южной Америки. В последнее время стипендии и гранты присуждались ученым помоложе, а Конклина в Техасском университете считали чуть ли не динозавром. Хотя коллеги и студенты по-прежнему уважали Генри, все полагали, что его научная карьера завершена.

Тем не менее недавняя находка развалин инкской деревушки высоко в Андах может все изменить, особенно если подтвердит его собственную противоречивую теорию.

Профессор осторожно убрал последний полотняный покров. От тающего сухого льда поднялся туман, ненадолго окутав мумию. Конклин разогнал его рукой и увидел скорченную фигурку. Колени, словно у эмбриона, подогнуты к груди, руки сцеплены на ногах. Именно в таком виде ученый обнаружил мумию в маленькой пещерке возле застывшей вершины горы Арапа.

Генри пристально взгляделся в свою находку. Из-под длинных прядей сохранившихся на черепе черных волос на профессора уставились пустые глазницы. Губы, высохшие и сморщеные, обнажали пожелтевшие зубы. К коже прилипли ветхие обрывки погребального платя. Мумия так хорошо сохранилась, что под хирургической лампой лаборатории черные краски изорванного одеяния казались очень яркими.

— О господи! — воскликнул кто-то за спиной профессора. — Невероятно!

Генри слегка подпрыгнул на месте — поглощенный собственными мыслями, он на минуту забыл, что не один в комнате. Когда профессор обернулся, его ослепила вспышка фотокамеры. Не отнимая от глаз «Нikon», из-за плеча Конклина выдвинулась репортер из «Балтимор геральд», девушка с убранными в тугой хвост светлыми волосами. Отщелкивая очередные кадры, она спросила:

— Как бы вы оценили ее возраст, профессор?

Моргая от яркого света, Генри шагнул в сторону, чтобы остальные смогли увидеть останки. С инструментами в руках к мумии приблизились двое других ученых.

— Я... я бы датировал мумификацию шестнадцатым столетием, то есть примерно за четыреста-пятьсот лет до наших дней.

Журналистка опустила камеру, но не оторвала взгляда от скорчившейся на столе для компьютерной томографии фигурки. Верхняя губа блондинки едва заметно скривилась от брезгливости.